

"Английский юмор (Рассказы)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Герберт Уэллс. Правда о Пайкрафте

Он сидит в десяти шагах от меня. Когда я искоса поглядываю на него, я вижу его лицо. И когда мой взгляд встречается с его взглядом, — а иногда это случается, — я подмечаю в нём особенное выражение.

В его глазах светится мольба и в то же время — подозрение. Бедный Пайкрафт! Здоровенный, беспокойный, несчастный толстяк! Самый толстый представитель лондонских клубов!

Он сидит за одним из столиков в клубе и что-то усердно уписывает за обе щёки. Что он ест? Я смотрю на него и вижу; он уплетает огромный кусок кекса, намазанного маслом, украдкой поглядывая на меня.

Ну, хорошо, Пайкрафт! Если ты настолько низок, что подозреваешь меня в чём-то, то я тут же, прямо у тебя под носом, напишу о тебе всю правду, исключительно правду и только правду!

Я познакомился с ним в этом самом клубе, в курительной. Я только что вступил в члены клуба и чувствовал себя чужим здесь. Всегда сидел один и страшно скучал. Но вот как-то я увидел его. Здоровенный мужчина с тройным подбородком и громадным брюхом, он подкатился ко мне, хрюкнул что-то и, тяжело дыша, опустился рядом в кресло. Он чиркнул спичкой, закурил сигару, а потом уже заговорил со мной. Так началось наше знакомство.

Поговорив о некоторых вещах, он начал распространяться о спорте. Потом обратил внимание на мою фигуру и цвет моего лица.

— Вы, должно быть, часто играете в крокет? — сказал он.

Я очень тонок и смугл, тонок до такой степени, что многие считают меня необыкновенно худым и принимают за индийца. Но он только начал с меня, чтобы сразу же перейти на себя.

— Я полагаю, — продолжал он, — что вы занимаетесь физическими упражнениями не больше меня, а едите, вероятно, не меньше. (Как все толстяки, он воображал, что почти ничего не ест.) — И всё-таки, — при этом он как-то криво улыбнулся, — мы так не похожи друг на друга.

Дальше он начал распространяться о своей полноте, о том, что он делает, чтобы избавиться от этой полноты, что ему советуют делать с полнотой и что делают другие со своей полнотой.

— Есть люди, которые думают, — закончил он, — что вопрос о питании можно разрешить надлежащей диетой, а вопрос об усвоении организмом пищи — употреблением разных пилюль и лекарств...

Это был тяжёлый разговор. Под конец меня прямо-таки начало тошнить.

— Я отдал бы всё, только бы похудеть, — сказал он как-то, глядя на меня заплывшими от жира глазами и тяжело дыша. И тут же позвонил официанту, — несомненно, закажет ещё кусок кекса с маслом!

Однажды он подошёл к вопросу прямо.

— Наша фармакопея, — сказал он, — всё, что угодно, но только не последнее слово медицинской науки. Вот, говорят, ваша прабабушка...

Он остановился и устремил на меня пытливый взгляд. Меня это взбесило.

— Послушайте, — воскликнул я, — кто вам сказал, что моя прабабушка знала разные средства?

— Я скажу вам, откуда я всё знаю. Я слышал об этом...

— От Паттисона?

— Не лично от него...

Но я знал, что он лжёт.

— Паттисон, — сказал я, — пользовался средствами моей прабабушки на свой собственный риск.

Он кивнул головой и приготовился слушать.

— Средства моей прабабушки — очень необычная штука. Мой отец хотел взять с меня обещание...

— Но он не взял?

— Нет. Но он предупредил меня. Он сам как-то попробовал одно средство.

— Ах!.. Но как вы думаете?.. Предположим... предположим, что есть такое средство...

— Все её средства, как я уже сказал вам, очень необычны, — повторил я. — Один их запах... Нет, нет!

Но поскольку я зашёл так далеко, Пайкрафт решил, что я должен пойти ещё дальше. Я всегда немножко побаивался, что если я буду долгое время испытывать его терпение, то он просто упадёт на меня и задавит своей тушей. И я, наконец, сказал:

— Ну, что ж, попробуйте рискнуть.

Но я всё-таки побаивался: а вдруг Пайкрафт отравится! Ведь отравление Пайкрафта — не шутка!

Вечером я достал из сейфа старую шкатулку моей прабабушки, сделанную из сандалового

дерева, открыл её и начал рыться в высохших клочках кожи. Человек, писавший рецепты для моей прабабушки, вероятно, любил писать их на кусочках кожи. Рецепты были написаны таким мелким почерком, что сначала я никак не мог ничего разобрать. Но, наконец, после долгого труда мне удалось расшифровать один из них.

— Послушайте, — сказал я Пайкрафту на другой день, показывая рецепт, за который он ухватился обеими руками, — насколько мне удалось установить, это рецепт для убавления веса (Ах! — невольно вырвалось у Пайкрафта). — Но скажите, пожалуйста, на кого вы будете похожи, когда сделаетесь худым?

— Это не имеет никакого значения. Я хочу попробовать, — сказал Пайкрафт.

Он был непоколебим в своём решении. Взяв с него обещание, что он никогда не скажет мне ни слова о своей полноте, чтобы с ним ни случилось, я вручил ему маленький клочок кожи.

— Это, кажется, очень противное лекарство, — заметил я.

— Неважно, — отвечал он, беря рецепт и пристально разглядывая его.

После этого при встрече мы не заговаривали друг с другом недели две. Всякий раз, когда он имел намерение подойти ко мне, я делал недовольную гримасу, и он, помня о нашем уговоре, всегда беспрекословно уходил. К концу этих двух недель он не убавил в весе ни на один грамм. Наконец он не выдержал и подошёл ко мне.

— Я должен поговорить с вами. Это нечестно. Тут что-то не так. У вашей прабабушки не могло быть таких рецептов.

— Покажите мне рецепт.

Он поспешно вынул его из своего бумажника.

Я быстро пробежал глазами рецепт и спросил:

— А тухлое яйцо вы добавляли?

— Нет. А разве это необходимо?

— Ну, а как же! Во все рецепты моей прабабушки непременно входит тухлое яйцо. Это настолько необходимое условие, что оно само собой разумеется... Кроме того, удалось вам достать свежий яд гремучей змеи?

— Да, я достал гремучую змею у Ямраха. Заплатил за неё...

— Это ваше личное дело... Затем, последняя составная часть, которая здесь указана...

— Я знаю одного господина, который сделает для меня...

— Ага! Гм!.. Наконец, собака, здесь упоминаемая, непременно должна быть очень худой собакой.

Целый месяц после этого я ежедневно встречался с Пайкрафтом в клубе, но не замечал в нём никакой перемены. Он помнил наше условие, по иногда не выдерживал и, проходя мимо, печально покачивал головой. Наконец, столкнувшись со мной однажды в гардеробной, он сказал:

— Ваша прабабушка...

— Ни слова о ней! — воскликнул я, и он сразу замолчал.

Я уже думал, что он отказался от средства, изготовленного по рецепту моей прабабушки, особенно после того, как я увидел его однажды с тремя новыми членами нашего клуба, которым он жаловался на свою полноту и спрашивал совета. И вдруг совершенно неожиданно я получил телеграмму.

«Ради бога приезжайте. Пайкрафт».

— Гм! — ухмыльнулся я, прочитав телеграмму. Мне было приятно, что средство моей прабабушки, наконец, возымело своё действие.

Я узнал адрес Пайкрафта у клубного швейцара. Он занимал верхнюю половину дома на улице Блумсберри, и я отправился к нему, как только выпил кофе и раза два затянулся сигарой.

— Мистер Пайкрафт дома? — осведомился я у швейцара.

Швейцар заявил, что он, наверно, болен: вот уже два дня, как он совсем не выходит из дому.

— Он вызвал меня к себе, — сказал я, поднимаясь на второй этаж.

Подойдя к решётчатой двери, я позвонил.

«Не нужно было давать ему этот рецепт, — пронеслось у меня в уме, когда я звонил. — Человек, который ест, как свинья, должен быть и похож на свинью».

Какая-то степенная женщина с озабоченным лицом подошла к двери и взглянула на меня сквозь решётку.

Я протянул ей свою карточку, и она как-то неохотно впустила меня.

— Ну, как? — спросил я, входя в переднюю.

— Он просил меня, чтобы я открыла вам, когда вы придёте, — сказала женщина, оглядывая меня... — Но только он заперся у себя в комнате, сэр, — добавила она таинственно.

— Заперся в комнате?

— Да, ещё вчера утром. И с тех пор никого не пускает к себе, сэр, И только слышно, как он ругается. Если бы вы только знали, как он ругается!

Я взглянул на дверь, на которую она всё время посматривала.

— Здесь? — спросил я.

— Да, сэр.

— А что такое с ним?

Она печально покачала головой.

— Он без конца просит есть, сэр. Давай ему всё. Ну, я и даю что у меня есть. Свинину, пудинг,

сосиски, хлеб. И он всё сразу поедает. Он кричит мне, чтобы я всё оставила около двери, а сама уходила. Он столько ест, сэр, что страшно и подумать.

За дверью слышался пискливый голос:

— Это вы, Формалин?

— Да, это я, Пайкрафт, — крикнул я в ответ.

— Скажите ей, чтобы она ушла.

Я попросил женщину уйти.

Затем я услышал знакомое мне хрюканье Пайкрафта и какую-то странную возню по ту сторону двери, словно кто-то нащупывал в темноте дверную ручку.

— Она уже ушла, — сказал я, чтобы успокоить его.

Но дверь долго ещё не открывалась.

Наконец щёлкнул ключ. Я услышал голос Пайкрафта:

— Войдите!

Я повернул ручку и отворил дверь. Естественно, что я ожидал встретиться с Пайкрафтом лицом к лицу.

Но на самом деле его здесь не было!

Никогда в своей жизни не был я так изумлён. В комнате был ужасный беспорядок: тарелки и кастрюли были навалены где попало — на письменном столе, между книгами и т. д.; на полу валялись опрокинутые стулья. Но Пайкрафта нигде не было видно.

— Проходите, старина, и закрывайте дверь, — сказал он, и только тогда я обнаружил его местопребывание.

Я увидел его высоко у себя над головой, в углу около двери, словно его кто приклеил к потолку. Лицо у него было озабоченное и сердитое. Он тяжело дышал и размахивал руками.

— Заприте дверь, — ещё раз сказал он. — Если эта женщина ворвётся сюда...

Я запер дверь, отошёл немного в сторону и изумлённо посмотрел на него.

— Какое-нибудь неловкое движение, вы сорвётесь и свернёте себе шею, Пайкрафт, — сказал я, обращаясь к нему.

— Я был бы только рад, если бы это случилось, — пропищал он.

— В ваши годы, при вашей полноте заниматься такой головокружительной гимнастикой...

— Пожалуйста, замолчите, — с трудом выговорил он, мучительно сморщив лицо.

— Но как вы, чёрт возьми, можете держаться там! — воскликнул я.

— Я вам расскажу, — пропищал он, усиленно жестикулируя.

И вдруг я понял, что он ни на чём не держится, а просто летает под потолком, как может летать наполненный газом игрушечный детский шар. Цепляясь за стену руками, он начал спускаться вниз.

— Это всё ваш рецепт, — проворчал он, тяжело дыша. — Ваша прабаб...

Говоря это, Пайкрафт неосторожно ухватился за огромную картину в раме, и она свалилась на диван, а сам он опять взвился к потолку, и тогда я понял, почему он был весь в меду. Он опять начал осторожно спускаться вниз, придерживаясь за камин.

Это было в высшей степени необычное зрелище: здоровенный толстяк, держась вверх ногами, пытается изо всех сил спуститься с потолка на пол.

— Это всё ваш рецепт, — повторил он. — Чересчур уж он действует.

— В каком смысле?

— В смысле уменьшения веса, конечно, — почти до нуля.

И тут я понял.

— Чёрт возьми, Пайкрафт! — вскричал я. — Вам нужно было убавить полноту, но вы всегда называли это «убавить вес». Вот и убавили!

Как бы там ни было, но мне всё это показалось чрезвычайно занятным. И даже сам Пайкрафт на минуту показался мне интересным.

— Разрешите помочь вам, — сказал я, беря его за руку, и потянул вниз. Он усиленно размахивал ногами, пытаясь утвердиться на чём-нибудь. Для меня это было всё равно, что держать большой флаг при сильном ветре.

— Вон тот стол, — сказал он, показывая пальцем, — сделан из толстого красного дерева. Он очень тяжёлый. Если бы вам удалось засунуть меня под него...

Мне, конечно, удалось. Пайкрафт покачивался пол столом, как воздушный шар, стремящийся улететь, а я, стоя на ковре у камина, решил расспросить его.

— Скажите мне, — начал я, закуривая сигару, — как это случилось?

— Я принял то средство... — сказал Пайкрафт.

— Каково оно было на вкус?

— О, лучше не спрашивайте! — сплюнул он.

Нужно полагать, что так плевали все, кто пробовал средство моей прабабушки.

— Сперва я проглотил одну каплю...

— Ну, и что же?

— И так как через час я почувствовал себя гораздо легче, то я решил выпить всё.

— Бедный Пайкрафт!

— Я заткнул нос, — продолжал он, — и выпил всё залпом. И в ту же минуту я почувствовал, что становлюсь все легче и легче и затем вдруг оторвался от земли... Что мне теперь делать? — воскликнул он с отчаянием в голосе.

— Я могу только сказать, чего не надо делать, — заявил я ему. — Вам ни в коем случае не надо выходить из дому. Иначе вы, несомненно, вознесётесь к небесам.

— А я думаю, что это скоро пройдёт.

Я покачал головой:

— Вряд ли можно рассчитывать на это.

Не успел я выговорить эти слова, как с ним начался настоящий припадок: он бешено колотил кулаками по полу и ударял ногами по ближайшим креслам и стульям. Он вёл себя так, как и должен вести себя чрезвычайно тучный, своенравный толстяк при тяжёлых жизненных обстоятельствах. Меня и мою прабабушку он поносил самыми непристойными словами.

— Но я ведь не настаивал, чтобы вы принимали это средство, — спокойно сказал я ему.

И совершенно не обращая внимания на его оскорбления, я уселся в кресло и заговорил с ним самым дружеским тоном.

Я указал ему, что он сам накликал на себя эту беду, выпив слишком большую дозу. Он отрицал это, и нам пришлось порядочно поспорить.

Потом он опять начал буйствовать, и я вынужден был замолчать. Что бы я ни говорил, он прерывал меня вопросом: что ему теперь делать?

Я посоветовал ему просто примениться к новым условиям. Я уверял, что для него будет нетрудно научиться ходить по потолку при помощи рук...

— Но я ведь не могу спать, — прервал он меня.

Я, однако, полагал, что это тоже поправимо. Можно будет прибить к потолку лёгкую походную кровать с пружинным матрасом, постель привязать к кровати, а простыни и одеяло пристегнуть к постели. Конечно, пришлось бы посвятить во всё квартирную хозяйку, сказал я ему, и он после некоторых возражений согласился со мной. В комнате необходимо будет

поставить библиотечную лестницу, пищу можно будет ставить прямо на верх книжного шкафа. Мы даже додумались до замечательной идеи, позволявшей Пайкрафту спускаться на пол всякий раз, когда ему будет необходимо. Для этого нужно только положить сверху на книжный шкаф «Энциклопедию Британику» (десятое издание). Когда он пожелает опуститься на пол, он просто берёт в руки два тома, и они своей тяжестью тянут его вниз. Кроме того, мы решили прибить по стенкам, на известном расстоянии от пола, железные поручни, за которые он мог бы держаться, когда ему нужно будет двигаться по комнате.

В конце концов я страшно заинтересовался всем этим делом. Я позвал в комнату квартирную хозяйку и посвятил её во всё, и я сам укрепил на потолке кровать, поставив её вверх ножками. Мне пришлось провозиться с этим целых двое суток. Стоя на лестнице с отвёрткой в руках, я усердно устраивал разные остроумные приспособления: провёл звонок к потолку, укрепил люстру лампами вверх и т. д. Всё это было в высшей степени интересно, и мне приятно было сознавать, что отныне Пайкрафт будет ползать по потолку подобно огромной жирной мухе и никогда, никогда не придёт в клуб!

Но моя чрезмерная изобретательность оказалась роковой, Я сидел у камина и попивал виски, а Пайкрафт прибавал турецкий ковёр к потолку, как вдруг в голове у меня мелькнула новая идея.

— Чёрт возьми! — вскричал я. — Да знаете ли вы, Пайкрафт, что всё это совершенно излишне! — И прежде чем я мог обдумать все последствия своей идеи, я высказал её вслух: — Свинцовое бельё — и вопрос решён!

— Значит, я опять буду ходить, как все люди! — радостно воскликнул он.

Я подробно изложил перед ним свою идею, прежде чем сообразил, к чему это может повести.

— Купите большой кусок листового свинца и порежьте его на небольшие кружочки. Вшейте достаточное количество этих кружочков в нижнее бельё. На штилеты наложите толстые свинцовые подошвы, носите с собой солидный саквояж, наполненный свинцом, и дело будет в шляпе! Вместо того чтобы навсегда запереться в этой комнате, как в тюрьме, вы можете даже уехать за границу, у вас явится возможность путешествовать...

Новая идея мелькнула у меня в голове.

— Вам теперь даже нечего бояться кораблекрушения. В случае чего достаточно вам сбросить с себя одежду со свинцом и прихватить с собой кое-какой лёгкий багаж, и вы сразу подниметесь на воздух...

Пайкрафт был так обрадован, что от счастья уронил тяжёлый молоток, которым он забивал гвозди. Молоток пролетел на один волосок от моей головы и упал на пол.

— Господи! Какая радость! — воскликнул он. — Значит, я опять смогу ходить в свой клуб!

Эти слова ударили меня по черепу так, как не мог бы ударить и молоток.

— Да... да, конечно, — чуть слышно пробормотал я. — Вы можете посещать клуб...

И он посетил. Он посещает его каждый день. Вот он и сейчас сидит позади меня, напихивая в себя — поверьте мне! — третью порцию кекса с маслом. И никто во всём мире не знает, кроме его квартирной хозяйки и меня, что он фактически не имеет никакого веса, что он

представляет собой просто «мешок скуки», усваивающий пищу. Вот он сидит и ждёт, пока я не кончу писать. А потом постарается поймать меня. Он, как всегда, подкатится ко мне шаром, в сотый раз расскажет мне всё с самого начала, как он себя чувствует и что он чувствует и как он надеется, что всё это скоро пройдёт. И во время тяжёлого, скучного разговора он непременно вставит:

— А вы всё-таки не выдавайте никому моей тайны. Если кто-нибудь узнает об этом, мне будет стыдно... Ведь это же выставляет человека в таком смешном виде — лазить по потолку на четвереньках...

А теперь я постараюсь приложить все усилия, чтобы ускользнуть от Пайкрафта, занимающего очень удобный стратегический пункт между моим столиком и дверью.

Томас Харди. Тони Кайтс — архиплут

Никогда не забуду я лица Тони Кайтс! Маленькое, круглое, плотное, усеянное рябинками, но не в такой мере, чтобы повредить его привлекательности, хотя в детстве он был очень некрасив. Настолько серьёзным выглядел этот молодой парень, никогда не улыбающийся, что, казалось, он не мог засмеяться без того, чтобы не почувствовать угрызений совести. Говоря с вами, он пристально глядел вам в глаза. На лице его не было ни малейшего намёка на бороду или усы — оно было гладкое, как ладонь. Он часто напевал «Штаны портного». С каким-то особенным подъёмом, словно то был религиозный гимн, выводил он:

Ах, юбки уже вышли из моды,
Зато штаны вошли в моду!

И так дальше, в том же духе, до конца скандальной песенки. Он пользовался большим успехом у женщин и за их расположение к нему любил их пачками. Но со временем Тони как-то привязался к одной, к Милли Ричардс, красивой, легкомысленной девчонке, и соседи начали уже поговаривать, что они помолвлены.

Как-то раз Тони по поручению отца поехал на рынок что-то продать и вечером порожняком возвращался домой. Когда он подъехал к подножию того самого холма, где мы сейчас будем проходить, он увидел, что его поджидает здесь Юнити Сэллет, местная красавица, которая до его помолвки с Милли была весьма к нему расположена.

Как только Тони с ней поравнялся, она говорит:

— Милый Тони, подвези меня, пожалуйста, домой.

— С большой радостью, душечка, — отвечает Тони. — Ты хорошо знаешь, что тебе я отказать не могу.

Она ласково улыбнулась ему, взобралась на телегу, и дальше они покатали вместе.

— Тони, — говорит ему Юнити с нежным упрёком, — как это ты мог променять меня на другую? Разве я не была бы для тебя лучшей женой, разве тебя кто-нибудь полюбит так, как люблю я? Не думай, что на свете нет лучше тех, которые сразу вешаются на шею. Вспомни, что мы с тобой — друзья детства. Правда ведь, Тони?

— Что верно, то верно, — отвечает Тони, видя, что девица говорит святую правду.

— И я не думаю, чтоб ты когда-нибудь заметил за мной такое, что мог бы пожаловаться. Ну-ка,

скажи, Тони, по чистой совести!

— Ничего не замечал, клянусь честью! — говорит Тони.

— И разве ты можешь сказать, что я некрасива, Тони? Ну-ка, взгляни мне прямо в глаза!

Он пристально посмотрел на неё.

— Нет, не могу, — говорит он. — Правду сказать, я никогда раньше не замечал, что ты так красива!

— Красивее Милли?

Что ответил бы на этот вопрос Тони, трудно гадать, но не успел он открыть рот, как увидел впереди, на повороте за изгородью, знакомое перо на шляпке, несомненно принадлежавшей Милли, той самой Милли, с которой он уже собирался повенчаться на этой неделе.

— Юнити, — говорит он мягким голосом, — я вижу, вон там идёт Милли. Мне здорово влетит от неё, если она увидит меня с тобой, и если ты даже слезешь с телеги, то она, как только покажется из-за угла и заметит тебя на дороге, сразу сообразит, что мы вместе ехали. Чтоб ещё чего не вышло, прошу тебя, моя милая Юнити, приляг вон там сзади в телеге, а я прикрою тебя брезентом, пока Милли не пройдёт мимо. Всего только на одну минутку. Пожалуйста, сделай это для меня, а я пока подумаю, о чём мы сейчас говорили, и, может быть, предложение сделаю не Милли, а тебе. Это не правда, что между нами уже всё улажено.

Юнити Сэллет, конечно, согласилась и легла в задке телеги. Тони прикрыл её брезентом, так что её совсем не было заметно, и поехал дальше, навстречу Милли.

— Мой милый Тони! — воскликнула Милли, подходя к телеге, и посмотрела на него, надувши губки. — Что так долго едешь домой? Ты ж хорошо знаешь, как далеко я живу! А я вышла встречать тебя, как ты меня просил, чтобы обратно ехать вместе и поговорить о нашей будущей жизни, — ведь скоро наша свадьба. Но я дура, что вышла тебя встречать, мистер Тони.

— Да, да, моя дорогая, я просил тебя выйти навстречу, верно, просил, но я совсем забыл об этом. Ты говоришь, хочешь проехаться со мной обратно?

— Ну, конечно! А ты что думаешь? Может, ты хочешь, чтоб я пешком драла домой, после того как уже столько прошла?

— Нет, нет, не беспокойся! Я просто думал, что ты вышла встречать свою матушку. Я видел её на рынке, и она как будто тебя поджидает.

— Она уже дома. Она шла напрямик по полям и обогнала тебя.

— Ну, а я не знал, — говорит Тони. И ему ничего другого не оставалось, как только взять Милли с собой.

Они мирно беседовали и поглядывали вокруг на деревья, скотину, птичек и насекомых, и на пахарей в поле, как вдруг видят, что из верхнего окна домика, стоявшего у самой дороги, на них смотрит Ханна Джоливер, другая местная красавица. Эту красавицу Тони любил давно — раньше Милли и раньше Юнити — и одно время даже собирался жениться на ней, а не на Милли. Милли Ричардс было далеко до Ханны Джоливер, но Тони как-то мало думал о ней последнее время. Сейчас Ханна смотрела на них из окна домика своей тётушки.

— Дорогая Милли, будущая моя жена, — говорит Тони нежно, но не очень громко, чтоб не услышала Юнити, — вон там я вижу одну девицу. Она глядит из окна и может затронуть меня. По совести говоря, Милли, девица эта взяла себе в голову, будто я хотел жениться на ней, и вот теперь она узнала, что я собираюсь повенчаться с другой, которой она и в подмётки не годится, и я боюсь, как бы она не дала воли своим рукам, когда увидит нас вместе. А потому, Милли, будущая моя жена, я хочу просить тебя об одной услуге.

— Пожалуйста, мой миленький Тони, — говорит она.

— Прошу тебя, полезай под этот брезент, вот тут спереди, и спрячься, пока мы не проедем мимо, Я думаю, она ещё не заметила нас. Ты сама понимаешь, что мы должны жить в мире и согласии, тем более, что скоро рождество, и если ты спрячешься под брезент, то этим мы избежим зла, о чём мы всегда должны помнить.

— Раз ты просишь, Тони, то можно это сделать, — сказала Милли, и хотя ей не совсем улыбалось лезть под брезент, но она полезла и притаилась около самого сиденья, а Юнити лежала не дыша в другом конце телеги.

Скоро телега подъехала к хижине, стоявшей у дороги. Завидев издали приближающегося Тони, Ханна стала поджидать его у окна. Когда он подъехал, она гордо качнула головой и презрительно усмехнулась.

— Неужто ты будешь такой грубиян, что не предложишь мне подвезти с тобой? — говорит Ханна, видя, что он, кивнув ей и улыбнувшись, проезжает мимо.

— А, с удовольствием! И как это я забыл? — засуетился Тони. — Но я думал, что ты пришла навестить тётушку.

— Я только зашла к ней на минутку по дороге, — говорит Ханна. — Разве ты не видишь, что я даже не стала раздеваться? Какой ты увалень, Тони!

— Ну, коли так, то едем вместе, — говорит Тони, чувствуя, как на лбу у него выступил холодный пот. Он придержал лошадь, пока Ханна сошла с крыльца и подошла к телеге, помог ей взобраться, затем хлестнул лошадь вожжами, и они поехали.

— Как это приятно, Тони, вот так ехать вместе! — сказала Ханна.

— И мне тоже приятно, — сказал он, помолчав.

Словом, оглядев её хорошенько, он воспылал к ней любовью, и чем больше смотрел на неё, тем больше она ему нравилась. Он совершенно не мог понять, как это ему пришло в голову выбирать себе в жёны Милли или Юнити, когда Ханна Джоливер — первая невеста в округе. Он поближе придвинулся к ней, и, когда они поехали дальше, Тони ни о чём другом не мог больше думать, как только о том, какая Ханна красавица. Он говорил с ней самым нежным голосом и наконец потихоньку назвал её «дорогая Ханна».

— Я думаю, у вас с Милли уже всё улажено, — сказала она.

— Не-ет... не совсем.

— Что с тобой, Тони? Почему так тихо говоришь?

— Да, видишь, у меня немножко... хрипота... Не-ет, не совсем...

— Но скоро дело поладите?

— Ну, как сказать... — Его взгляд остановился на её лице, а она пристально посмотрела на него. В душе он уже называл себя дураком, что вздумал бросить Ханну.

— Моя дорогая Ханна! — воскликнул он, беря её за руку, не будучи в состоянии удержаться и забывая о Милли, Юнити и обо всём на свете. — Говоришь, улажено? Да я совсем и не думаю улаживать с Милли!

— Что это? Послушай! — воскликнула вдруг Ханна.

— В чём дело? — говорит Тони, отпуская её руку.

— Мне послышался писк под этим брезентом. Ты, должно быть, везёшь хлеб и там мыши.

Она быстро подобрала повыше своё платье.

— Нет, нет, это ось скрипнула, — говорит Тони. — В сухую погоду это бывает.

— Может, и так... Ну, скажи мне по совести, Тони, неужто тебе больше нравится Милли, чем я? Хотя я немножко и задираю нос перед тобой, но, по правде сказать, ты мне очень нравишься. Я никогда бы тебе не отказала, если бы ты предложил мне... предложил мне.... сам знаешь что.

Тони был так польщён хорошим расположением к нему девушки, которая иногда относилась к нему свысока, что, бросив взгляд назад, сказал ей потихоньку:

— Я ещё не давал ей твёрдого слова и мне нетрудно будет от неё отделаться. Тогда я женюсь на тебе.

— Бросишь Милли и женишься на мне? Ах, как я рада! — воскликнула Ханна, хлопая в ладоши.

Только она сказала это, как под брезентом действительно раздался писк — громкий, сердитый, а за ним — протяжный стон, как будто надрывалось чьё-то сердце, и что-то там зашевелилось.

— Гляди, гляди, шевелится! — воскликнула Ханна, приподнимаясь.

— Говорю тебе, ничего там страшного нету, — успокаивает её Тони, а сам молится в душе, чтобы как-нибудь из этого дела выпутаться. — Я не хотел говорить тебе с самого начала, чтоб тебя не напугать. У меня там в мешке пара хорьков, которых я везу для охоты на кроликов, и вот они вздумали драться. Я не хочу, чтоб об этом знали, — меня тогда прозовут браконьером. Но ты несколько не бойся: они не вылезут. Тебе совершенно нечего бояться. И... и... какая славная сегодня погодка, Ханна! Редко такая бывает в эту пору года. Пойдёшь на рынок в следующую субботу? Как поживает твоя тётушка?..

Тони, хорошо зная, что их слушает Милли, засыпал её вопросами, чтоб она больше не говорила о любви.

Но он всё ещё не мог придумать, как ему выйти из этого щекотливого положения, и беспокойно оглядывался вокруг, не подвернётся ли чего. Подъезжая к дому, он заметил невдалеке своего отца, работавшего в поле. Вот отец поднял руку; видно, он хочет что-то сказать Тони.

— Подержи-ка вожжи на минутку, Ханна, — сказал Тони с некоторым облегчением, — а я пойду узнаю, что моему старику надо.

Ханна взяла вожжи, а Тони быстро зашагал к отцу, радуясь, что можно немного передохнуть. Подойдя к отцу, он заметил, что тот сурово смотрит на него.

— Послушай, Тони, — начал старый мистер Кайтс, когда сын остановился перед ним, — это никуда не годится.

— Что такое, батюшка? — говорит Тони.

— А ты будто ничего не знаешь? Раз ты задумал жениться на Милли Ричардс, то женись — и кончено. И нечего разъезжать с девицей Джоливера, чтоб только люди глазели. Этого я не потерплю.

— Я только попросил её... то есть она попросила меня подвезти её домой.

— Она попросила? Видишь, если б это была Милли, тогда другое дело, но ехать вдвоём с Ханной Джоливер...

— Милли тоже там, батюшка.

— Милли? Где?

— Под брезентом, батюшка! Да. Видите, батюшка, я попал немножко впросак... И Юнити Сэллет там под брезентом — в другом конце телеги. Все три на телеге, и что мне с ними делать, хоть убейте меня — не знаю. Лучше всего, я думаю, сказать одной из них ясно и громко при других, что я женюсь на ней, и этим всё будет кончено. Конечно, остальные немножко поерепенятся, ну да не беда. И вот я хочу спросить вас, батюшка, на ком бы вы женились, если б были на моём месте?

— Которая из них не просила тебя, чтоб ты её подвёз?

— Сказать по правде, батюшка, — Милли, Я сам ей предложил. Но Милли...

— Тогда и держись её, она лучше всех... Но погляди, погляди!..

Отец указал на дорогу, где стояла телега.

— Девка не может удержать лошадь. Не надо было давать ей вожжи в руки. Беги скорей и попрдерж коня за морду, а то он растрясёт твоих девиц!

Как Ханна ни натягивала вожжи, но лошадь быстро зашагала по дороге. Она утомилась за день, и ей скорей хотелось попасть на конюшню. Тони бросился за лошадью.

Надо сказать, что ничто так не могло отдалить Тони от Милли, как совет отца остановиться на ней. Нет, о Милли он теперь и не думал! Он женится только на Ханне, раз нельзя жениться на всех трёх. Так думал он, когда бежал вслед за телегой. Но там уже разыгрались события.

Конечно, то Милли пищала под брезентом, когда Ханна думала, что пищат мыши. Этим она выражала своё возмущение, но она стыдилась высунуть голову из-под брезента, боясь, что её засмеют. Но ей не сиделось на месте, и, подвигаясь всё дальше и дальше, она вдруг увидела прямо у себя перед носом чью-то ногу в белом чулке. Это её порядком напугало — она ведь не знала, что Юнити Сэллет сидит тут же под брезентом. Но, оправившись от испуга, она решила

узнать, в чём тут дело, и потихоньку стала ползти под брезентом в другой конец телеги, как змея, пока не столкнулась лицом к лицу с Юнити.

— Какой позор! — шипит Милли, злобно глядя на Юнити.

— Да, настоящий позор, — отвечает Юнити, — вот так прятаться под брезентом на телеге молодого парня, когда всем известно, что ты очень лёгкого поведения!

— Думай, что говоришь! — отвечает Милли уже гораздо громче. — Я с ним помолвлена и имею полное право сидеть здесь! А вот какое ты имеешь право, хотела б я знать? Что он тебе обещал? Какую-нибудь глупость, надо полагать! То, что Тони говорит другим женщинам, всё это говорится на ветер, и меня мало касается.

— Не будь уж так уверена! — говорит Юнити. — Ни на тебе, ни на мне он жениться не собирается. Он женится на Ханне. Я слышала это собственными ушами.

Ханна так испугалась, слыша голоса под брезентом, что чуть не упала в обморок, но как раз в эту минуту лошадь быстро зашагала вперёд. Ханна изо всех сил дёрнула за вожжи, не зная, как остановить лошадь, но так как спор под брезентом всё разгорался, то она так испугалась, что совсем уронила вожжи, и лошадь пустилась лёгкой рысью. Когда телега доехала до угла, где начинался крутой спуск, колёса с одной стороны налетели на бугор, телега сильно накренилась, и все три девицы вывалились на дорогу.

В испуге, запыхавшись, подбежал к ним Тони и к великой своей радости увидел, что ни одна из его дорогих невест не пострадала, если не считать небольших царапин на лице и на руках. Но ему было весьма неприятно, когда он услышал, как они разговаривают друг с другом.

— Да бросьте вы спорить, мои милые, бросьте! — сказал Тони, снимая перед невестами шапку из уважения. И тут же хотел расцеловать их всех подряд, но, глядя на них, сообразил, что вряд ли они ему это позволят: все три визжали и всхлипывали от боли.

— Я хочу сказать вам всем правду, — говорит Тони, как только девицы перестали визжать. — И вот моя правда, — говорит он: — Я просил Ханну быть моей женой, и она согласна, так что на следующей неделе будет оглашение...

Тони не видел, что отец Ханны подходил в это время сзади, и не заметил, что на лице Ханны показалась кровь от царапины. Девушка, завидев отца, со слезами бросилась ему навстречу.

— Моя дочь не желает тебя, — сказал мистер Джоливер сердито. — Ну-ка, Ханна, говори, желаешь ты или нет? Говори смело, коли не хочешь, чтоб над тобой насмеялись!

— Я люблю её от всего сердца, клянусь! — сказал Тони, страшно волнуясь. — И эти две нравятся мне не меньше, хотя вам и трудно это понять.

— Я не боюсь и прямо скажу, что не желаю выходить за него! — ответила Ханна, отчасти потому, что её отец стоял рядом, а отчасти потому, что обнаружила царапину на лице. — Теперь я вижу, какой он плут!

— Что? Ты не хочешь быть моей женой, Ханна? — спросил Тони, и челюсть его сразу отвисла, как у мертвеца.

— Никогда! Скорей бы я вышла... нет, я совсем не выйду ни за кого! — сквозь слёзы

проговорила Ханна, и сердце её безумно забилося; она ни за что не отказала бы Тони, если бы он ещё раз сделал ей предложение, и если бы рядом не стоял отец, и не было царапины у неё на лице. Сказав это, она тут же поворачивается и уходит, держа отца под руку и надеясь в душе, что Тони вернёт её и ещё раз попросит быть его женой.

Тони уже не знал, что и сказать. Рядом стояла и горько плакала Милли, но так как отец советовал жениться именно на ней, то это совершенно отшибло у него всякое к ней чувство. И он обратился к Юнити.

— Милая Юнити! Хочешь быть моей женой? — спросил он.

— Братъ то, что другим непригодно? — отвечает Юнити. — Не на таковскую напал! Я тебя презираю!

И с этими словами Юнити уходит, хотя, отойдя немного, она и оглянулась, чтобы посмотреть, не идёт ли за ней Тони.

Тони и Милли остались одни, У неё ручьями текли по лицу слёзы, а у него такой был вид, словно егохватила молния.

— Ну, Милли, — говорит он, наконец, подходя к ней поближе, — видно, сама судьба решила, чтобы нам жить вместе. А судьбы, как говорится, конём не объедешь. Скажи мне своё слово, Милли!

— Я согласна, если ты согласен, Тони. Я думаю, ты им говорил всё в шутку.

— Ни одного слова правды! — воскликнул Топпи.

И тут он поцеловал Милли, затем привёл телегу в порядок, и вместе они поехали домой. А в следующее воскресенье состоялась свадьба, Я на свадьбе не был, но, как мне потом рассказывали, свадьба была на славу.

Уильям Ридж. Всеобщие выборы

Мистер Барден, живущий на окраине Лондона, в доме № 21 по Бегония Роод, войдя в свой сад, увидел на усыпанной гравием дорожке медленно ползущую улитку. Никакого разрешения ползать в саду ей дано не было, и потому мистер Барден палочкой перебросил улитку через забор.

Он прошёл дальше, тотчас забыв об этом ничтожном инциденте, и закурил сигару. Гуляя по саду, мистер Барден радовался в душе, что живёт в таком тихом районе.

Мистер Барден, обойдя сад три раза, опять наткнулся на улитку. Как и первую, он перебросил её через забор. Когда он совершал последний тур вокруг сада, что-то упало на поля его шляпы. Быстро сняв шляпу, мистер Барден с изумлением увидел на пей улитку, и ему показалось, что это одна и та же улитка, которая вынуждена делать «летающие визиты» из одного сада в другой.

Мистер Барден опять швырнул её через забор, и в ту же минуту над забором показалась голова женщины. Он подумал, что женщина эта встала на тачку.

— Я хотела бы, сударь, — сказала женщина с нескрываемым негодованием, — чтобы вы своих улиток держали у себя в саду!

Мистер Барден, будучи в высшей степени вежливым человеком, — в часы занятий в конторе, — снял свою соломенную шляпу, поклонился соседке и сделал несколько шагов вперёд с целью объяснить ей, что он больше думает о том, как бы избавиться от улиток, а не о том, чтобы держать их в своём саду. Но голова женщины вдруг неожиданно нырнула вниз. В душе мистер Барден невольно понадеялся, что женщина слетела с тачки.

Когда он возвратился к себе в дом, его жена, наблюдавшая из окна в верхнем этаже, как он разговаривал с соседкой, с радостью подтвердила его предположение.

Жена сказала, что соседку зовут мисс Дунстан. Их служанка слыхала, что мисс Дунстан — вегетарианка (или унитариянка), но только она, безусловно, не как все люди.

— Я вообще никогда не обращала на неё внимания, когда встречала её на улице. А после этого случая я даже не взгляну на неё.

— Вполне правильно поступаешь, моя милая, — сказал мистер Барден.

В ту самую минуту, когда мистер Барден силился припомнить, куда он девал ключ от шкафчика с вином, кто-то позвонил. Служанка доложила, что пришёл мистер Дунстан и минутки на две желает видеть мистера Бардена. Соседу было послано гостеприимное приглашение, но тот не пожелал пройти дальше коридора. Стоя в столовой, миссис Барден напряжённо внимала быстрой, горячей словесной перепалке.

— Я не люблю церемоний, — сердито сказал посетитель. — Сестра рассказала мне об истории с улиткой. В конце концов вы потеряли самообладание и набросились на неё.

— Это ложь!

— Этим вы только ухудшаете дело, — продолжает посетитель. — Мы с сестрой не потерпим подобной наглости. Это гораздо более серьёзное дело, чем вы думаете. Сестра моя почти обручена с одним джентльменом, с которым познакомилась в ресторане...

— Послушайте, — перебил его мистер Барден. — У меня нет ни малейшего желания знать ваши семейные дела. Ваши дела касаются лично вас, и я прошу вас немедленно убраться из моего дома.

— Нет, не уйду, пока не объяснюсь до конца! — упорствовал мистер Дунстан.

Тогда мистер Барден крепко взял за плечо мистера Дунстана. Ему пришлось порядком поднапрячь силы, пока он дотащил своего гостя до ворот, где в эту минуту оказался полисмен. Констэбль окинул их критическим оком и, видя, что мистер Барден находится в лучшем положении, не сказал ни слова, пока мистер Дунстан, брошенный на асфальтовый тротуар, не обратился к нему за помощью.

Полисмен записал имя и адрес каждого и мистеру Бардену дал адрес мистера Дунстана, а мистеру Дунстану — адрес мистера Бардена, заявив, что дело их будет направлено в суд.

Пять минут спустя полисмен сидел уже за столом в доме мистера Бардена.

— Ваше здоровье, сэр, — сказал он, поднимая бокал, — и здоровье вашей уважаемой леди!

Весть о состоявшемся «матче» между мистером Барденом и мистером Дунстаном облетела Бегония Роод с быстротой молнии, и на следующее утро, когда мистер Барден отправлялся на службу, соседи из-за спущенных штор следили за ним с неменьшим интересом, чем позднее следили они за братом мисс Дунстан, когда тот выходил из дому. Было выражено искреннее сожаление, что ни на одном из них не оказалось следов серьёзного ранения, хотя более близкие наблюдатели уверяли, что оба они находились в весьма подавленном состоянии духа.

Миссис Барден приказала служанке зайти к соседям и вежливо справиться о состоянии здоровья мисс Дунстан, Она получила ответ, что мисс Дунстан довольно хорошо провела ночь и благодарит за оказанное внимание. Вслед за сим миссис Барден, одевшись так, словно она собиралась в далёкое путешествие, вышла из дома № 21, чтобы сделать деловой визит в дом № 22.

Мисс Дунстан сама отворила дверь, и между женщинами произошёл сердечный разговор. Мисс Дунстан выразила сожаление, что мужчины вчера погорячились и затеяли ссору, когда дело можно было решить миром. Она признала, что ушиб, полученный ею вследствие неустойчивого положения тачки, потребовал от неё принятия некоторых мер, но что в общем с её здоровьем всё обстоит благополучно.

Тем временем «общественные силы» района энергично работали. Новый викарий, услышав о драке, имел совещание со своей женой, и та посоветовала ему предоставить самим Бардену и Дунстану решить их спор. Но викарий прошёл в свой кабинет и написал мистеру Бардену письмо, приглашая его явиться в дом миссии ровно в половине восьмого, чтобы «обсудить

вопрос, имеющий огромное значение не только для вас, но и для всего прихода».

Мистер Барден, вернувшись домой после делового дня в конторе и порадованный принятыми его женой мерами, подумал, что приглашение викария является для него в некотором роде комплиментом, так как, очевидно, викарий вместе с ним будет обсуждать какие-нибудь мероприятия, касающиеся всего прихода.

Викарий холодно принял мистера Бардена и какой-то невзрачной комнатухе без мебели, предложив ему присесть на деревянный ящик.

— До меня дошли слухи, — начал викарий глухим голосом, — что не далее как вчера вы приняли участие в споре, повлёкшем за собой насилие над личностью.

— Довольно забавная потасовка! — признался мистер Барден.

— Глубоко сожалею, что меня не было при этом.

— Если это случится ещё раз, я пришлю вам приглашение, викарий.

— Если бы я был при этом, я вмешался бы в спор и приказал бы вам прекратить недостойный вашего имени поступок, позорящий — да, позорящий! — наш приход, к которому и вы принадлежите.

— Быть может, — сказал мистер Барден, с любопытством глядя на викария, — вы будете так любезны объяснить, какое это имеет к вам отношение?

— Мистер Барден, — строго сказал викарий, — вы, по-видимому, ещё не знаете меня, не знаете, что я могу принять решительные меры! Деревня Вильтшайр, где я занимал пост до моего перевода сюда, ещё несколько месяцев назад была образцовой деревней в смысле нравственного поведения её граждан.

— А чем вы это объясняете?

— Я скажу вам, скажу откровенно. Объясняется это тем, что я следил за интересами и руководил действиями всех моих прихожан.

— Вы попробуйте это здесь, в Лондоне, — отвечал мистер Барден, — и мы вас так прочим, что вы будете долго помнить!

Так много важных событий произошло с тех пор, что читатели, быть может, забыли газетную дискуссию, имевшую место приблизительно в это время и озаглавленную: «Почему пустуют наши церкви?» Мистер Барден послал в газету сильную статью; викарий на неё ответил. В результате викарий по предложению епископа должен был вернуться в деревню Вильтшайр, но жители деревни, узнав об этом, подняли восстание, к которому примкнули соседние деревни. За жестокое подавление восстания, когда из Сальсбери были вызваны войска, генералу Виддекомбу был наполовину урезан оклад.

Бегония Роод, с глубоким интересом следившая за событиями, в которых она сыграла немалую роль, не могла успокоиться на том, чтобы викарий жил где-то в глухой деревне. Одна из двух дам, фигурировавших в «матче» между мистером Барденом и мистером Дунстаном, побудила своего зятя, уезжавшего в Новую Зеландию, написать письмо члену парламента. В этом письме внимание адресата обращалось на бесчеловечное отношение к викарию со стороны его высшего начальства и требовалось, чтобы дело это было представлено на обсуждение

парламента.

«Если вы этого не сделаете, — говорилось дальше в письме, — вам придётся горько пожалеть об этом, когда наступит день всеобщих выборов».

Это письмо было получено членом парламента в тот момент, когда он узнал от премьер-министра, что, несмотря на его заслуги перед страной, для него нет никакой надежды получить назначение на вакантное место секретаря премьер-министра.

— Сказать вам правду, друг мой, — откровенно заявил премьер-министр, — вы были бы далеко не идеальным работником на этом месте.

— Можно спросить вас — почему?

— Спросить-то можно, — отвечал премьер-министр, — но никакая сила на свете не заставит меня ответить вам. Я слишком старый воробей, чтобы давать объяснения... Хотите сигару?

Письмо от уезжающего в Новую Зеландию было вручено члену парламента в ту самую минуту, когда он выходил из кабинета премьер-министра. Он внимательно его прочёл, тотчас направился в комнату депутатов, сел за стол и написал дерзкий ответ.

Последним актом путешественника в Новую Зеландию было письмо в редакцию газеты, озаглавленное: «Изумительный ответ члена парламента». Газета целиком напечатала это письмо, вечерние газеты перепечатали его со своими комментариями, завязалась целая дискуссия, поведшая к запросу в парламенте. Правительство, напуганное всей этой шумихой, потребовало доверия во время дебатов в палате общин и, не получив его, подало в отставку. Всеобщие выборы, последовавшие за этим, стоили стране свыше миллиона фунтов стерлингов.

— Добрый день! — приветствовал как-то после выборов свою соседку мистер Барден, встретив её на улице. — Как ваш сад?

— Благодарю вас, великолепно! — отвечала мисс Дунстан. — Изредка попадаются улитки, а больше жаловаться не на что.

— Правильно, — согласился мистер Барден, — не стоит поднимать шума из-за пустяков!

Кеннет Грэхем. Воры

Вечер был так хорош, что, хотя пробило уже девять часов, мы с Эдвардом и не думали спать. Мы всё ещё сидели в одном белье на подоконнике, любуясь игрой теней от деревьев на залитой лунным светом поляне и обдумывая новые проказы, которые мы готовили на завтра.

Из зала в нижнем этаже нашей семинарии доносились весёлые звуки пианино. Это веселились ученики старших классов, пользуясь отсутствием нового vicar, который в тот день был приглашён на обед к экономке Мэри. Сидя с ней на веранде под нашим окном, он громко хвастал, что не боится ничего на свете. Его слова, по-видимому, дали другое направление мыслям Эдварда, так как он без всякой связи с предыдущим сказал вдруг:

— Мне кажется, что наш новый vicarий не совсем равнодушен к нашей экономке.

Я со смехом отверг такое предположение.

— Что ты? Она уже немолодая.

— Это ничего, — возразил Эдвард. — Для него это не важно. Важно то, что у неё есть денежки.

— А я не подозревал, что у неё есть деньги, — простодушно сказал я.

— Безусловно, есть, — авторитетно заявил мой брат, — и предостаточно...

Не успел он сказать это, как вдруг поток золотистого света от лампы пролился на поляну, смешиваясь с лунным светом, и в ту же минуту с веранды в сад сошла экономка Мэри в сопровождении нового vicar. Они прошли к беседке, окружённой густыми кустами лаврового дерева, подходившими к самому зданию семинарии.

mir-knigi.org

Эдвард толкнул меня под бок и шепнул:

— Если бы мы могли подслушать, о чём они говорят, ты увидел бы, что я прав. Знаешь что? Давай пошлём нашего мальчугана на разведку.

— Гарольд уже спит, — сказал я, — да и вообще неудобно посылать мальчика...

— А, чепуха! — ответил брат. — Он самый младший из нас и должен делать то, что ему прикажут.

Мы растолкали полусонного Гарольда и дали ему определённое поручение. Ему не совсем понравилось, когда его вытащили из тёплой постели; задание тоже представляло для него мало интереса, но он был храбрый мальчуган и признавал дисциплину.

Выход в сад был довольно прост. Крыша веранды подходила почти к самому нашему окну, и всякий раз, когда нам нужно было ускользнуть незамеченными, мы спускались в сад по крыше и решётчатой стене веранды. Гарольд ловко сполз вниз — его ночная сорочка на минуту блеснула на усыпанной гравием дорожке — и скрылся в кустах.

Некоторое время стояла полная тишина. Затем послышался быстрый топот, а за ним — пронзительный крик. Наш разведчик попал в руки врага!

Юному храбрецу угрожала опасность, и мы не стали медлить. В одну секунду мы уже были в саду и осторожно ползли к беседке, как настоящие индейцы, пробираясь среди густого кустарника.

Печальная картина представилась нашему взору. Экономка Мэри сидела на скамейке в своём белом вечернем жакете. Рядом стоял викарий, держа нашего маленького брата за большое ухо. Ухо это, судя по движениям руки викария, имело намерение отделиться от головы, которую оно дополняло и украшало. Душераздирающие крики брата действовали на нас далеко не утешительно.

— Ну-ка, ты, дерзкий... (мне показалось «щенок», но Эдвард утверждает, что викарий сказал «чертёнок»), — строго начал викарий, — скажи мне, что всё это означает?

— Раньше отпустите ухо, тогда я, как перед богом, скажу всю правду! — пропищал Гарольд.

— Хорошо, — сказал викарий, отпуская ухо. — Ну, говори, только ври не больше, чем ты можешь.

Мы ожидали от Гарольда того же, чего ожидал викарий, но даже мы были изумлены его необыкновенно богатой фантазией.

— Я только что окончил вечернюю молитву, — медленно начал бедный пленник, — как вдруг, выглянув на минуту из окна, увидел такое, что кровь застыла в моих жилах; к дому тихо, осторожно, как змея, крался вор! Вид у него был страшный, в руках — фонарь, обтянутый чёрной материей, и он был вооружён до зубов!

Мы слушали, затаив дыхание. Что-то знакомое было в словах Гарольда, как будто всё это было взято из книги.

— Продолжай! — мрачно сказал викарий.

— Крадучись, осторожно, — возобновил свой рассказ Гарольд, — он чуть слышно свистнул. На его свист немедленно последовал ответ, и в ту же минуту из-за кустов показались ещё два вора. Оба они тоже были вооружены до зубов!

— Великолепно, — заметил викарий, — продолжай!

— Предводитель воровской шайки, — продолжал Гарольд возбуждённо, — подошёл к своим гнусным товарищам и шёпотом начал с ними совещаться. Он имел свирепый вид и был вооружён до зуб...

— Довольно тебе про зубы! — грубо прервал его викарий. — Я уже вижу твою правду... но всё-таки кончай.

— Я страшно испугался и не знал, что делать, — продолжал рассказчик, инстинктивно поднимая вверх руку и закрывая ею ухо, — но в эту минуту вы вышли из гостиной... вы и тётя Мэри. Воры, громко выругавшись, быстро шмыгнули в кусты!

Викарий был в некотором недоумении. Рассказ был хорошо выдержан и казался правдоподобным. Мальчик на самом деле мог видеть что-нибудь такое. Как мог бедный викарий догадаться, хотя сюжет и высокий стиль могли бы подать ему намёк, что вся эта история была свободным пересказом грошовой приключенческой книжонки, недавно прочитанной Гарольдом?

— Почему же ты не поднял тревоги? — спросил викарий.

— Боялся, что мне не поверят.

— А как же ты сошёл в сад, мерзкий мальчишка! — набросилась на него вдруг экономка Мэри.

Гарольд, наконец, был прижат к стенке, и весь его замысел, казалось, должен был рухнуть.

Но в эту минуту Эдвард дёрнул меня за рукав, и мы неслышно отползли шагов на десять. Эдвард тихо свистнул. Я ответил на его свист. Эффект получился магический. Экономка Мэри, дико вскрикнув, вскочила со скамейки. Гарольд, изумлённо оглянувшись вокруг, бросился бежать с быстротой зайца, с шумом ворвался на кухню, где за ужином сидела прислуга, и спрятал голову на груди у кухарки, любимцем которой он был. Викарий вздрогнул, но, набравшись храбрости, шагнул вперёд, чтобы осмотреть кусты. И тут экономка Мэри бросилась ему на шею.

— О, мистер Ходжитс! — вскричала она. — Вы очень храбрый человек, но ради всего святого, ради меня, не будьте опрометчивы!

Викарий, однако, и не думал быть опрометчивым. Когда я через минуту выглянул из-за кустов, ни его, ни экономки уже не было на поляне!

В доме поднялся переполох, и Эдвард шепнул мне, что нам надо поскорее удирать. Мы бросились к веранде, быстро вскарабкались по стене на крышу, влезли в окно и через минуту были уже в постели. А спустя ещё минуту кухарка принесла к нам на руках Гарольда, жевавшего что-то сладкое. Из сада в это время доносились громкие крики сторожей, преследовавших воров.

Чарльз Левер. Наследство Кон Крегэна

Я родился в маленькой хижине на границе двух округов. Хижина стояла на треугольном клочке земли у перекрёстка дорог, и, хотя тут почти каждые десять лет производилось межевание, никто не мог сказать, к какому округу мы принадлежим. В пользу одной стороны было столько же доводов, сколько и в пользу другой. Это обстоятельство, как говорили соседи, и побудило моего отца поселиться именно здесь: живя на спорной территории двух округов, он не платил налогов ни тому, ни другому, а голосовать умудрялся в обоих! Из этого можно заключить, что родитель мой от природы был человек не глупый, и тот способ, посредством которого он оказался владельцем той земли, где стояла наша хижина, подтверждает такое мнение.

В нашей округе совсем не было представителей благородного сословия — ни одного даже

захудалого дворянина. Самым богатым считался один фермер, старый Генри Мак-Кэйб. Его два сына вечно враждовали между собой из-за отцовского наследства. Старший, Питер, делал всё, что только возможно, чтобы навредить Мэту, а тот в свою очередь старался не оставаться в долгу. Наконец Мэту надоела вечная драка, и однажды ночью он ушёл из отцовского дома, а на другое утро уехал в Дублин и записался добровольцем в армию. Спустя три недели он уже плыл на пароходе в Индию. Старик отец так был огорчён, что заболел и слёг в постель, с которой уже и не встал.

Больной пролежал не один месяц, и Питер часто приставал к отцу, чтобы он сделал духовное завещание в его пользу и отомстил этим непокорному Мэту, но Генри всегда отвечал, что он разделит имущество поровну между ними.

Споры между больным отцом и сыном известны были всей округе. Проходя мимо дома вечером, люди всегда слышали слабый, пискливый голос старика и глухой, хриплый голос Питера. Они спорили. Но вот как-то в воскресный вечер в доме установилась полная тишина: не слышно было ни голосов, ни шагов, словно в доме никто не жил. И соседи удивлённо стали спрашивать друг друга: не умер ли старик?

Ровно в полночь в дверь нашей хижины кто-то постучал. Я сразу услышал стук — я спал в большой удобной корзине подле очага, — но, испугавшись, не подал вида, что слышу. Постучали ещё раз — громче прежнего, и я услышал слова: «Кон Крегэн, открой! Открой, Кон, говорю я тебе!»

По голосу я признал Питера Мак-Кэйба, но притворился спящим и громко захрапел. Отец пошёл отпирать дверь. Было слышно, как он сказал:

— Это вы, мистер Питер? Что случилось? Может, старику стало хуже?

— Да, совсем плохо, недавно скончался.

— Да будет земля ему пухом! И когда же, говорите, это случилось?

— Только что, с час тому назад, — сказал Питер взволнованным голосом. — И как умер! Как настоящий язычник, Кон, даже не оставил духовного завещания!

— Плохо дело, — сказал отец.

— Да, плохо. Но будет ещё хуже, если мы не сумеем его поправить. Знаешь, что я хочу тебе сказать, Кон? Хочу, чтоб ты помог мне. Поможешь — получай пять золотых. Ты очень похож на покойного моего батюшку, вас часто смешивали: тебя принимали за него, а его — за тебя.

— Это-то правда, — сказал отец, хотя начинал беспокоиться, не зная, к чему тот клонит дело.

— Ну так вот, ты должен пойти ко мне и лечь в постель.

— Как, рядом с трупом? — сказал отец, вздрагивая.

— Ну, что ты выдумал? Ты ложишься в постель один, как будто ты мой отец, и говоришь, что хочешь перед смертью сделать духовное завещание. Я позову соседей и Билли Скэнлана, школьного учителя, и ты скажешь, чтобы он написал духовное завещание. Всё отцовское имущество должно достаться мне, понимаешь? И раз соседи будут видеть тебя в постели и слышать твой голос, то, конечно, все поверят, что завещание сделано моим отцом.

— Но в комнате должно быть темно, — говорит мой отец.

— На этот счёт не беспокойся, будет совсем темно! Никто не осмелится подойти к постели, а тебе придётся только поставить пером крестик на завещании.

— А как насчёт попа? — спрашивает отец.

— Старик поссорился с попом ещё на пасхе, когда тот загнул много за требу, и отец Том заявил, что не станет причащать его перед смертью, а нам это только наруку! Ну, поскорей собирайся, времени осталось немного, надо всё обделать до рассвета.

Долго возиться с костюмом отцу не пришлось. Он набросил на себя старый кафтан да сунул ноги в деревянные башмаки, и всё. Они ушли, а я лежал в корзине, прислушиваясь, пока не замерли вдаль их шаги, затем быстро вскочил, набросил на себя одежку и пустился вслед за ними. Мне хотелось посмотреть, как всё будет. Я пошёл напрямик, попал в болото и чуть не утонул. И потому, когда я пришёл, представление уже началось.

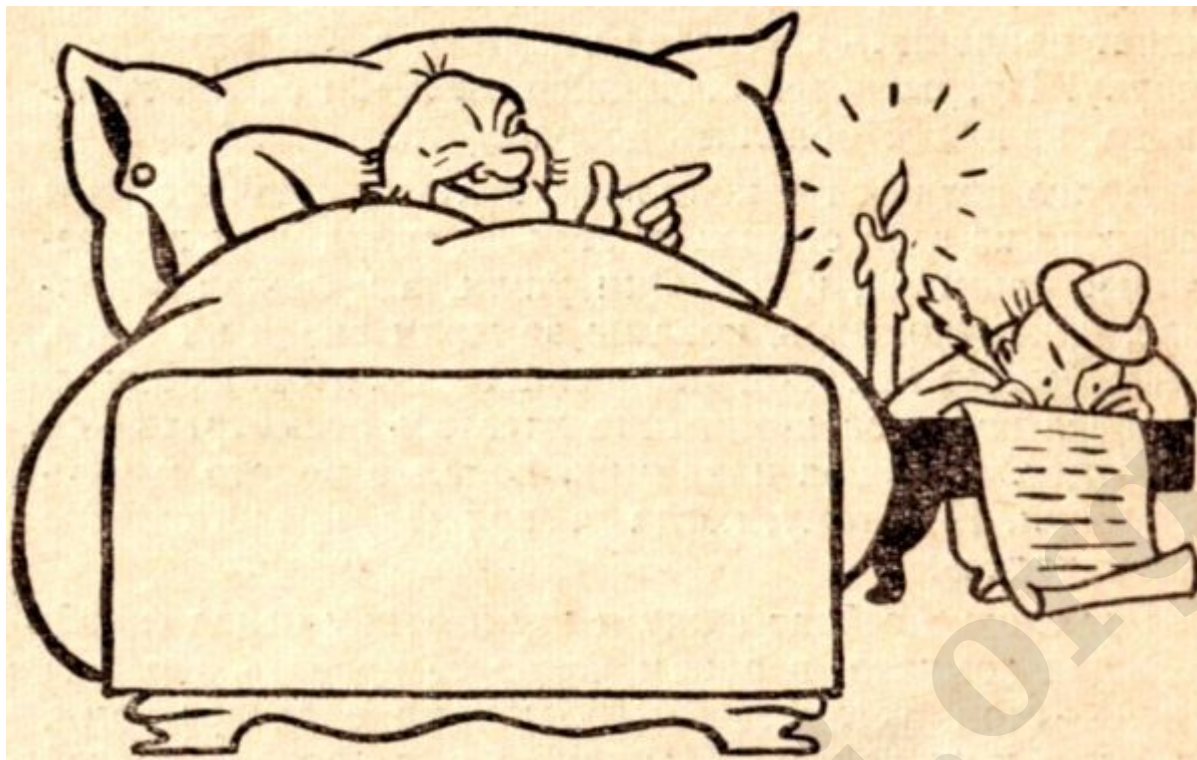
Вот словно сейчас вижу я эту картину перед собой. Большая комната, в одном конце её кровать, а рядом с ней — стол, уставленный бутылками с лекарствами, чашками и стаканами. Немножко в стороне — другой стол, за ним сидит учитель с пером в руке. Соседи по двое и по трое расположились вдоль стен. Они сидят серьёзные и задумчивые и ждут. Питер ходит взад и вперед по комнате, стараясь подавить своё горе, и время от времени подносит соседям по рюмке. Никогда ещё не видал я его таким щедрым.

Глубокую тишину, стоявшую в комнате, нарушил вдруг слабый кашель, донёсшийся из тёмного угла, где стояла кровать, и мой отец сказал:

— Где Билли Скэнлан, я хочу сделать духовное завещание!

— Он здесь, здесь, папаша, — говорит Питер, беря Билли за руку и подводя его к постели.

— Пиши, что скажу, Билли, да поскорее, недолго мне уже осталось жить. Я умираю верным католиком, хотя отец Том О'Рафферти и отказался меня причастить...

Тихий ропот пронёсся среди присутствующих, но было ли то сожаление о печальной судьбе умирающего или негодование перед суровой строгостью священника, трудно сказать.

— Я умираю в мире со своими соседями и со всеми людьми!

Новое волнение среди присутствующих, казалось, одобряло эти прекрасные слова.

— Я завещаю своему сыну Питеру... — и скажу вам, что лучшего сына, достойнее парня не сыскать! — вы это записали? Я завещаю своему сыну Питеру обе мои фермы, Киллимундонери и Кнокшебура, а также луга позади дома Линча, кузницу и торфяные разработки на Дуранском болоте. Я завещаю — и да послужит всё это ему на великую пользу! — участок Лэнти Кассарио и выгон Луари с печью для обжигания извести... Но что-то у меня пересохло во рту, дайте мне немного пригубить.

Умирающий жадно припал губами к поданной ему чашке с виски и, оживившись немного, продолжал:

— На чём я остановился, Билли Скэнлан? А-я, помню. На печи для обжигания извести... Я завещаю ему, моему сыну Питеру, два огорода у колодца Нунана, — чудесная картошка там родит!

— Может, вы устали, папаша? — говорит Питер, начиная тревожиться за отцовское многословие. Правду сказать, виски порядком ударило отцу в голову, и он был очень расположен поболтать.

— Устал, Питер, устал, сынок, — говорит отец. — Дай-ка ещё пригубить немного. Ах, Питер, Питер, что же ты разбавил виски водой!

— Поверьте, папаша, что и не думал. Просто у вас уже не тот вкус, — говорит Питер, и снова шёпот сострадания пронёсся среди присутствующих.

— Ну, скоро конец, — говорит умирающий, — остался ещё только один небольшой участок. И я

полагаюсь на тебя, Питер, коли ты хочешь честно прожить свою жизнь и спокойно умереть, как умираю я, то ты обратишь особое внимание на слова, которые я сейчас скажу. Ты слушаешь меня? Соседи слушают?

— Да, сосед. Да, отец. Слушаем! — хором раздалось в ответ.

— Ну, так вот, это моя последняя воля и завещание... А ну-ка, дай ещё пригубить. — Тут он как следует приложился к чашке. — Небольшой участок, что у перекрёстка, я завещаю бедному Кон Крегэну. Он несчастный, обиженный судьбою человек, но хороший, честный труженик. Будь ему другом, Питер, никогда его не обижай и, когда он о чём-нибудь тебя попросит, помоги ему, и мне легче будет в могиле. Записал, Билли Скэнлан? Два акра у скрещения дорог в вечное пользование Кон Крегэну и его потомству... Ах, как я устал... но на душе теперь легче. Хорошо потрудишься, с чистой совестью помрёшь, А теперь мне хочется выпить за здоровье добрых соседей и пожелать им много лет здравствовать...

Что ещё хотел добавить мой отец, осталось неизвестным: Питер, не на шутку испугавшись оживлённого тона умирающего, постарался быстро всех выпроводить в другую комнату, чтобы отец отошёл с миром.

Когда соседи ушли, Питер поспешил к моему отцу.

— Ну, и ловко ты, Кон, всё обделал, — говорит он, — только, конечно, ты пошутил насчёт тех двух акров у перекрёстка.

— Ясно, что пошутил, Питер, — отвечает отец. — Само собой понятно, что я сделал это ради шутки. Я уже вижу, как завтра будут смеяться соседи, когда я им всё расскажу!

— Как, ты хочешь меня выдать? Не можешь ты быть таким подлецом! — говорит Питер, дрожа от злости.

— А ты не можешь быть таким подлецом, чтобы нарушить последние слова твоего отца, — отвечает отец. И он рассмеялся прямо в лицо скряге.

— Ну, ладно, Кон! — говорит Питер. — Договор есть договор. Ты, видно, парень не дурак, вот и все.

Этим и кончилось дело. Отец мой весело зашагал домой, весьма довольный наследством, которое он сам себе завещал.

С той поры мы стали владельцами небольшого участка земли, который до сего дня известен под названием «Участок Кона».

Цена 50 коп.

